

# РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ.

(по поводу изданія Г. Аѳанасьева, въ Москвѣ, 1860 г.).

---

Русская этнографія уже давно обратила вниманіе на памятники народной словесности, утверждая, что въ нихъ всего яснѣе опредѣляется характеръ народа, но до сихъ поръ она очень мало исполнила одну изъ главныхъ своихъ задачъ, именно изданіе самыхъ памятниковъ. Она довольствуется клочками пѣсенъ и преданій, часто подправленными и подрѣзанными для «приличія» самими издателями или по такъ называемымъ независимымъ причинамъ; примѣры перваго мывидѣли даже въ изданіяхъ официальныхъ ученыхъ обществъ, которыя несмотря на всю научную строгость своихъ взглядовъ не могутъ избавиться отъ академической щекотливости и печатаютъ только самыя невинныя народныя произведенія. Несмотря на то мы продолжаемъ говорить, что открываемъ въ нихъ духъ народа, забывая, что цѣлый оставшійся у насъ нетронутымъ уголъ этой области иногда представляетъ весьма курьезныя образчики этого народнаго духа. Г. Аѳанасьевъ, сдѣлавшій недавно изданіе сказокъ, если не совсемъ удовлетворительное, то по крайней мѣрѣ имѣющее заслугу достовѣрности, перешелъ теперь къ одному изъ такихъ мало тронутыхъ отдѣловъ нашей народной словесности, и посвятилъ свою книжку народнымъ легендамъ, до сихъ поръ еще не имѣвшимъ собирателя.

Народныя произведенія далеко не такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, какъ отличаетъ ихъ этнографическая терминологія. Народныя пѣсни, повѣрья, преданья, сказки и т. д. принадлежатъ одному и тому же народному воображенію и создаются имъ безъ всякихъ литературныхъ правилъ, и потому безпрестанно смѣшиваются одна съ другими и по предмету и по изложенію, какъ что всѣ типы народной словесности незамѣтно переходятъ одинъ въ другой. Тѣмъ неменѣе каждый въ отдѣльности они имѣютъ какія нибудь пре-

обладающія особенностями: *легенда* имѣетъ ту спеціальность, что останавливается исключительно на предметахъ, принадлежащихъ къ области христіанскихъ вѣрованій и религіозной морали;—самъ народъ не даетъ имъ, кажется, никакого особеннаго названія, но мы терминномъ *легенда* отличаемъ только одну часть его повѣрій, не касаясь нисколько православно-церковныхъ сказаній, по своему священному значенію и достовѣрности рѣшительно не принадлежащихъ къ разряду народныхъ повѣрій. И особенно о русскихъ легендахъ мы во всей статьѣ говоримъ въ смыслѣ только народныхъ повѣрій: замѣчаемъ это въ избѣжаніе перетолковъ людей легкомысленныхъ. Отъ самаго содержанія легенда имѣетъ серьезный тонъ, который только въ послѣдствіи переходилъ иногда въ шутку, какъ мы увидимъ въ примѣрахъ г. Афанасьева. Легенды были поучительнымъ развлеченіемъ, и рассказыванье ихъ было дѣломъ благочестивымъ; иныя изъ нихъ имѣли пѣсенную форму и пѣлись нищими старцами при церквахъ и по дорогамъ.... Первоначальное происхожденіе легенды было, слѣдовательно, чисто христіанское; оно относится еще къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства: народное воображеніе скоро воспользовалось рассказами о жизни Спасителя, о подвигахъ его учениковъ; затѣмъ любопытство народа пошло и далѣе, оно остановилось на прошедшей исторіи человѣка, на сотвореніи міра и судьбѣ первыхъ людей, на загробной жизни, увлеклось наконецъ и тѣми личностями, которыя въ настоящую минуту поражали народъ возвышеннымъ характеромъ и святостью жизни, и такимъ образомъ мало по малу легенды составили большую массу преданій, которая наконецъ заняла важное мѣсто въ письменной литературѣ. По своему исключительно христіанскому содержанію легенда не имѣла въ первое время никакой частной національности, но стала болѣе или менѣе общимъ достояніемъ христіанскихъ народовъ. Это одно изъ ея существенныхъ качествъ. Но кромѣ общехристіанскихъ преданій, у разныхъ народовъ развивались еще частныя, мѣстныя легенды о чудесахъ и святыхъ; отсюда явились мѣстныя отличія легендъ, усиленные еще потомъ раздѣленіемъ церквей.

Исторія народной легенды находится въ необходимой связи съ легендой литературной. Средніе вѣка были классическимъ временемъ легенды, въ теченіе ихъ она получила свое полное развитіе. Въ свѣжихъ народахъ Европы христіанство нашло сильный отзывъ; личности и событія священной исторіи заняли мѣсто языческой мифологіи, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей нерѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла ту же языческую старину подъ новыми формами. Особенная плодovitость легенды относится именно къ тому времени, когда новое ученіе на-

чало совершенно господствовать надъ умами, и событіе, въ которомъ всего ярче вышло наружу религіозное увлеченіе, подѣйствовало въ то же время всею силою на распространеніе легенды. Крестовые походы были чрезвычайно важнымъ фактомъ въ исторіи западно-европейской легенды. Еще гораздо раньше этого воинственного движенія въ Азію, Палестина была цѣлью множества благочестивыхъ странствованій; пилигримы со всей Европы отправлялись туда, пренебрегая трудностями опаснаго путешествія, и, возвращаясь на родину, приносили цѣлую массу разсказовъ о томъ, что они видѣли и слышали. Здѣсь переходили въ Европу старыя палестинскія преданья, отрывки византійскихъ сказаній, повѣрья о чудесахъ дальнихъ земель, но въ особенности тѣ исторіи, которыя связаны были съ предметомъ странствованія: легенды подробно и разнообразно разсказывали о жизни Спасителя, о подвигахъ святыхъ и мучениковъ. Подобное было и въ древней Россіи: странники ко святымъ мѣстамъ упоминаются у насъ уже въ XI столѣтіи, игуменъ Даниилъ видѣлъ въ Іерусалимѣ и другихъ русскихъ богомольцевъ изъ Кіева и изъ Новгорода; съ другой стороны и у насъ упоминаются странники изъ Палестины, какъ напримѣръ, въ житіи Θεодосія, — странники, можетъ быть, уходившіе тогда отъ преслѣдованій, которыя терпѣло христіанское населеніе Палестины. Мы имѣемъ положительныя историческія извѣстія о томъ, что наши странники именно заносили съ собою изъ путешествій то или другое сказанье, которое они или переводили съ чужихъ языковъ, или же записывали сами на память. Въ нашихъ былинахъ сохранилось очень любопытное описаніе пилигримскихъ путешествій, въ одной пѣснѣ Кириши Данилова, которая сама носить полный характеръ легенды. Вотъ какъ отправлялись въ путь старинные «калики перехожіе»:

А изъ пустыни было Ефимевы,  
Изъ монастыря изъ Боголюбова,  
Начинали калики наряжаться  
Ко святому граду Іерусалиму,  
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.  
Становилися во единой кругъ,  
Они думали думушку единую,  
А едину думушку крѣпкую,  
Выбирали большаго *атамана*,  
Молода Касьяна сына Михайловича.  
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ  
Кладетъ онъ заповѣдь великую  
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцевъ:  
«А идтить намъ, братцы, дорога неближняя,  
Идти будеть ко городу Іерусалиму,

Святой святынь помолитися,  
 Господню гробу приложитися,  
 Во Ердань-рѣкѣ искупатися,  
 Нетѣнной ризой утеретися;  
 Идти селами и деревнями,  
 Городами тѣми съ пригородками, —  
 А въ томъ-то вѣдѣ заповѣдь положена:  
 Кто украдетъ, или кто солжетъ....  
 Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,  
 Едина оставить во чистомъ полѣ,  
 И вкопать по плеча во сыру землю.  
 И въ томъ-то вѣдѣ заповѣдь подписана,  
 Бѣлыя рученьки изириложены....  
 Пошли калики во Іерусалимъ градъ.  
 И идутъ недѣлю уже споряду,  
 Идутъ уже время не малое,  
 Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,  
 Сверхъ тое рѣки Черегі  
 На его потѣшныхъ на островахъ,  
 У великаго князя Владиміра.  
 А и вышли они изъ раменья,  
 Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь....

Завидѣли его калики тутъ перехожіе,  
 Становилися во единой кругъ,  
 Клюки, посохи въ землю потыкали  
 А и сумочки изповѣсили,  
 Скричатъ калики зычнымъ голосомъ.  
 Дрогнетъ матушка сыра земля,  
 Съ деревъ вершины попадали,  
 Подъ княземъ конь окорачился,  
 А богатыри съ коней попадали....  
 Едва пробудится Владиміръ князь,  
 Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,  
 Они-то ему поклонилися,  
 Великому князю Владиміру,  
 Прошаютъ у него святую милостыню,  
 А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.

Это были люди, черезъ которыхъ въ особенности шла легенда. Наши нынѣшніе пилигримы до сихъ поръ собираются на богомолье толпами, артелями; они дѣлаютъ удачи и неудачи путешествія, въ ихъ кругу составляетъ или напоминаетъ легенда и потому расходится съ ними по цѣлому краю. Въ пѣснѣ Кириши Данилова артель богомольцевъ съ атаманомъ становится уже похожа на козацкій кругъ богатырей, но можно думать, что основаніе цѣлаго рассказа

и приведеннаго нами эпизода относятся еще къ глубокой старинѣ. Калика переходящій есть лицо очень обыкновенное въ нашей исторической былинѣ, и одно это могло бы убѣдить въ распространеніи русскаго паломничества, ежели бы мы не имѣли на это и положительныя указанія, въ которыхъ также нѣтъ недостатка.

Сказанія, разными путями пришедшія къ намъ, до такой степени обжились наконецъ въ новой средѣ, что становились почти національными произведеніями, превращались изъ легенды въ романъ, какъ преданія о Соломонѣ у нѣмцевъ, и такимъ образомъ теряли даже свой первоначальный священный смыслъ. Литературная исторія «Римскихъ Дѣяній», «Золотой легенды» и другихъ подобныхъ сборниковъ представляетъ весьма занимательные факты въ этомъ отношеніи. На западѣ легенда расходилась сначала на латинскомъ языкѣ, тогда общемъ языкѣ церкви; въ одно время съ первыми попытками западныхъ литературъ, легенда появилась и на народныхъ языкахъ, она излагалась въ поэтической формѣ и перешла даже въ народную поэзію и стала пѣсней: на Рейнѣ въ двѣнадцатомъ столѣтіи пѣлись сказанія о святомъ Анно, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка слѣпцы пѣли на улицахъ чудеса святаго Николая. Что касается до нашей старинной легенды, она также имѣла свои литературные источники въ византійскихъ книгахъ, которыя уже давно начали у насъ переводиться; много могла почерпнуть народная легенда и изъ собственно русскихъ житій, огромное количество которыхъ до сихъ поръ остается мало разработаннымъ; наконецъ фантазія народа, могла работать сама подъ влияніемъ утвердившихся религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній или по готовымъ прежнимъ образцамъ. Последнее даже необходимо признать, потому что для иныхъ народныхъ легендъ о Христѣ, апостолахъ и святыхъ до сихъ поръ не было найдено источниковъ въ древнихъ письменныхъ памятникахъ.

Условія появленія легенды оказались слѣдовательно въ старой русской жизни такъ же, какъ это было въ мірѣ романскомъ и нѣмецкомъ: было одно содержаніе христіанскихъ преданій и одно стремленіе переработать ихъ отчасти фантазіей. Но развитіе нашей и западной легенды было все-таки различно: послѣдняя выросла до такого же законченнаго поэтическаго цикла, въ какой сложились произведенія миѳическаго и рыцарскаго эпоса; легенда легко привилась къ литературѣ и скоро стала въ ней темой поэтическихъ варіацій. Гервинусъ опредѣляетъ ходъ ея образованія такими чертами. Въ поэтическихъ обработкахъ, говоритъ онъ, исторія Христа, его семейства и учениковъ, до святыхъ позднѣйшей эпохи, болѣе и болѣе сближала отдѣльные и разсѣянные сюжеты, и они сами собой соста-

влили цѣлый кругъ эпической, христіанской саги. Обзоръ этого легендарнаго цикла, чрезвычайно поучителенъ для пониманія развитія всѣхъ эпическихъ средневѣковыхъ сказаній, основанныхъ на исторіи; потому что, если разобрать эту христіанскую эпопею хронологически, по ея историческимъ основамъ и поэтическимъ обработкамъ, она развивается такъ же, какъ всякій другой свѣтскій эпосъ среднихъ вѣковъ, переходя отъ дѣйствительнаго и историческаго къ выдуманному и чудесному, отъ простоты къ разнообразію, отъ частнаго къ общему; мѣстность и лица давали поэзіи такую же свободу, какъ въ рыцарскихъ поэмахъ. Въ Христѣ является средоточіе, герой преданія, въ которомъ трудно было измѣнить внутренній смыслъ, къ которому можно было только внѣшнимъ образомъ прибавить новыя преданія. Когда этотъ основной предметъ былъ истощенъ поэтами, тогда перешли къ родственному содержанію Ветхаго Завѣта. Это можно сравнить съ соединеніемъ отдѣльныхъ или родственныхъ сагъ въ рыцарскомъ эпосѣ. Затѣмъ, распространяли первоначальный источникъ далѣе по бѣднымъ намекамъ, которые онъ давалъ, и здѣсь съ первымъ развитіемъ саги вошло въ нее апокрифическое. Объ нѣкоторыхъ изъ двѣнадцати учениковъ были, правда, историческія преданія, но рядъ нужно было дополнить, и о комъ молчала исторія, о томъ говорила фантазія. Точно такъ въ рыцарскомъ эпосѣ мы находимъ, что Роландъ съ Карломъ и Гильдебрантъ съ Дитрихомъ были соединены уже въ первоначальномъ преданіи; но въ большей части того, что говорится о двѣнадцати перахъ, скорѣе можно подозрѣвать чистую выдумку, чѣмъ остатокъ историческаго преданія. Далѣе, къ каждой личности Новаго Завѣта прилагаемы были новыя сказанія, которыя часто обнаруживаютъ самую пустую выдумку, и все таки достигали огромной извѣстности и слѣдовательно популярности. Въ этомъ родѣ сочиняли исторіи объ антихристѣ, о Пилатѣ, объ Іудѣ, о Маріи: факты, имена, дѣйствія, которыя имъ приписываются, постоянно обнаруживаютъ подражаніе, заимствованіе, желаніе дополнить и прикрасить старыя легенды. Къ этимъ древнѣйшимъ сюжетамъ присоединились наконецъ цѣлый рядъ легендъ о святыхъ и мученикахъ изъ римскихъ и позднѣйшихъ временъ, но они остаются одинокими, какъ поздніе рыцарскіе романы не имѣютъ связи съ древнимъ эпическимъ цикломъ. Наконецъ, когда исчерпанъ былъ весь эпическій матеріалъ, переходятъ къ поучительной и лирической обработкѣ христіанскихъ преданій, какъ это было и въ свѣтской поэзіи.

Такого широкаго и самостоятельнаго развитія легенда не имѣла въ нашей старой литературѣ, главнымъ образомъ потому, что наши старыя «писатели», какъ ихъ называли, привыкли дѣйствительно

больше списывать чужое и пользовались уже готовыми византийскими легендами. Количество легендъ, относящихся къ лицамъ евангельскимъ, у насъ было несравненно меньше, и главное, лишено самостоятельной обработки, хотя матеріалъ издавна былъ подъ руками. *Хронографы* и *Пален*, представлявшіе священную и древнюю исторію, пришли къ намъ уже въ первые вѣка славяно-русской письменности отъ грековъ и южныхъ славянъ; священная исторія, которую они передавали, уже была прикрашена рассказами, перешедшими потомъ въ народную легенду. Также давно начали переводить у насъ *житія*, отдѣльныя и собранныя въ разнаго рода патерикахъ; литература древнихъ и новыхъ *апокрифовъ* была также очень знакома, но всѣмъ этимъ матеріаломъ у насъ очень мало воспользовались. Въ нашей литературѣ едва ли когда найдется что нибудь подобное тѣмъ эпопеямъ, которыя посвящены были на западѣ евангельскимъ лицамъ и событіямъ. Причина въ ограниченности литературнаго развитія вообще и въ различномъ направленіи религіозныхъ понятій: нашимъ старымъ людямъ не приходило въ голову дать легендѣ болѣе поэтическую форму, чѣмъ та, какую она получила въ первый разъ, — самый языкъ, на которомъ они читали и сами привыкли писать, былъ въ сущности языкъ чужой; окаменѣвшій въ церковномъ употребленіи, онъ не могъ идти на выраженіе душевной мысли, необходимой въ поэтическомъ произведеніи. Господство славянскаго языка безъ сомнѣнія убивало поэзію: единственный разъ, когда хотѣли имъ воспользоваться для поэзіи, онъ уложился только въ недѣльныя вирши Симеона Полоцкаго и товарищей. При томъ у насъ, если не господствовало исключительно, то было въ большой силѣ чисто буквальное пониманіе того, что относилось къ религіознымъ вѣроваціямъ; въ книгѣ *церковной* видѣли всегда нѣчто догматическое, и какова была привязанность къ буквѣ, можно видѣть до настоящей минуты у раскольниковъ.

Но хотя благочестивая ревность и понимала поэзію по своему, она произвела много сказаній чисто русскихъ, въ которыхъ пробилась все-таки струя легендарной поэзіи.

Наконецъ источникомъ народной легенды были и преданія, шедшія не изъ книги, а жившія въ самомъ народѣ, какъ пѣсня и сказка: всего труднѣе опредѣлить пути, которыми проходили эти незатѣйливыя новѣсти до тѣхъ поръ, пока встрѣтились съ любопытствомъ ученыхъ собирателей. Здѣсь легенда отъ безпрестаннаго обращенія въ народъ иногда смѣшивалась съ другими рассказами; въ ея христіанскіе рассказы влетали разныя постороннія черты изъ старыхъ мѣстныхъ воспоминаній: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра, примѣшалась космогонія древ-

нихъ обрядныхъ пѣсенъ, въ исторію благочестивыхъ людей попали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданья объ адѣ и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д. Примѣры мы увидимъ въ легендахъ г. Аѳанасьева. Любопытно, что въ этихъ народныхъ легендахъ, различныя народности сходятся такимъ же паразитическимъ образомъ, какъ въ сказочномъ эпосѣ: легенды повторяются часто съ замѣчательной точностью.

Такимъ образомъ, по содержанію, народная легенда можетъ быть приурочена или къ чужимъ переводнымъ сказаньямъ, или къ литературнымъ повѣстямъ чисто русскимъ, или наконецъ къ устнымъ преданьямъ, въ самомъ началѣ принадлежавшимъ къ области народной поэзіи. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какія формы принимало у насъ это общее легендарное содержаніе, и въ какихъ памятникахъ оно сохранялось и сохраняется въ народѣ. Во первыхъ большое количество легендъ оставалось всегда только въ формѣ житій (повторяемъ, что мы здѣсь разумѣмъ народныя, а не церковныя сказанія о житіяхъ святыхъ); нѣкоторыя изъ нихъ наиболѣе читались и нравились, и достигали слѣдовательно извѣстной популярности, особенно между грамотными людьми. Въ свое время чрезвычайно популярнымъ средствомъ распространенія подобныхъ легендъ были лубочныя картинки, которыя теперь исчезаютъ больше и больше. Лубочныя картинки, удовлетворявшія въ старину всѣмъ литературнымъ потребностямъ простолюдина, сообщали и наиболѣе любимыя легенды; въ нихъ можно найти Алексѣя Божія Человѣка, Богатаго и Лазаря, Георгія Побѣдоносца, Бориса и Глѣба, царевича Димитрія и т. д. Не менѣе плодотворны были эти картинки изложеніемъ христіанской морали въ притчахъ и примѣрахъ, какими пользуется иногда и легенда народная: они изображали страшный судъ, видѣнія о загробной жизни, рассказывали о пьяницахъ, вдавшихся бѣсу; о мученіяхъ немилостивыхъ людей послѣ смерти, о людяхъ умершихъ безъ покаянія и пр., однимъ словомъ предметъ картинокъ совершенно сходилъ здѣсь съ чисто легендарными мотивами. Намъ совершенно неизвѣстно, какъ давно появилась у насъ другая, болѣе оживленная форма легенды, — такъ называемые *стихи*. Эта форма уже прямо относится въ область народной поэзіи по своему колориту и внѣшности, но памятники не даютъ намъ возможности опредѣлить ясно, въ какое время произошло это перерожденіе народной легенды. Правда, мы встрѣчаемъ въ рукописяхъ рассказы, написанные совершенно въ тонѣ и размѣрѣ стиховъ, но они попадались до сихъ поръ только въ сборникахъ конца семнадцатаго и начала осьмнадцатаго вѣка. Замѣтимъ при этомъ, что въ стихахъ надобно отличать два



непохожіе разряда: одни по своему содержанію принадлежатъ безъ сомнѣнія къ очень древней эпохѣ, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, и по языку совершенно народны; другіе ясно принадлежатъ позднѣйшимъ книжникамъ и сложены на довольно нескладномъ языкѣ, съ тяжелыми книжными выраженіями. Въ настоящее время, какъ безъ сомнѣнія и прежде, стихи являются спеціальностью нищихъ старцевъ и слѣпцовъ, которые поютъ ихъ въ большихъ собраніяхъ народа; тѣ изъ нихъ, которые были пограмотнѣе, были, вѣроятно, и сочинителями стиховъ. Легенды, заключающіяся въ стихахъ, собраны были въ первый разъ Кирѣевскимъ; онѣ относятся ко всѣмъ тѣмъ сюжетамъ, которые мы упоминали выше. Отчасти это космогоническія преданія, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, въ которомъ наши этнографы отыскивали слѣды древнѣйшихъ мнѣическихъ преданій, какъ «Евангелистая» пѣсня, стихъ о Георгіѣ храбромъ. Другіе пересказываютъ книжныя легенды о святыхъ, какъ стихи о Елисаветѣ прекрасной, Николаѣ Святителѣ, Ѳеодорѣ Тиронѣ, царевичѣ Іоасафѣ и т. д., или сообщаютъ извѣстные повѣрья о будущей жизни, страшномъ судѣ, раѣ и адѣ; въ нихъ встрѣчаются и сказанія о томъ, какъ Христосъ ходилъ между людьми, — нѣсколько подобныхъ мы найдемъ и въ изданіи г. Аванасьева. Наконецъ третьи, наиболѣе новые и слабые, наполнены нравственными сентенціями. Духовные стихи представляютъ вообще наиболѣе обработанную поэтическую форму нашей народной легенды, но, сколько намъ кажется, они извѣстны въ народѣ гораздо менѣе, чѣмъ другія произведенія народной словесности; быть можетъ народъ началъ уже забывать ихъ.

Далѣе, до настоящаго времени легенды живутъ въ народѣ въ видѣ простыхъ прозаическихъ разсказовъ. Переходя отъ одного къ другому, отъ поколѣнія къ поколѣнію, они не могли сохранить прочной формы, и больше, чѣмъ пѣсня или стихъ подвержены были измѣненіямъ. Разсказчики мѣшали ихъ между собой, соединяли и раздѣляли, такъ что ученому собирателю нужно много вниманія, чтобы передать ихъ въ должномъ цѣломъ видѣ. Эти прозаическіе разсказы, ходящіе до сихъ поръ въ народѣ, предпринялъ издать г. Аванасьевъ.

Въ связи съ легендой стояли наконецъ и тѣ народныя произведенія, превосходный образчикъ которыхъ мы открыли недавно въ повѣсти о «Горѣ-Злочастіи». Ихъ соединяетъ благочестивое настроеніе разсказа, но послѣдняя гораздо болѣе обыкновенной легенды обращается къ дѣйствительной жизни, вводитъ картины нравовъ и другой стороной своей принадлежитъ къ чисто свѣтской поэзіи. Къ сожалѣнію повѣсть о «Горѣ» до сихъ поръ остается нѣ-

сколько одинокимъ явленіемъ въ своемъ родѣ и мы не можемъ опредѣлить, какъ много въ старину написано было подобныхъ вещей.

Итакъ, г. Аѳанасьевъ ограничился только простыми прозаическими легендами, сохраняемыми преданіемъ. Манера изданія осталась у него таже, какъ въ его сборникѣ сказокъ, то есть онъ собралъ подобные рассказы, записанные разными лицами въ разныхъ краяхъ Россіи, — между прочимъ, много записанныхъ г. Далемъ и самимъ издателемъ, — и печатаетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ получилъ. Критика наша и прежде замѣтила недостаточность этого способа, вызывающаго, напримѣръ, такія возраженія: на сколько вѣрны списки, которыхъ издатель самъ не могъ провѣрить, и чѣмъ опредѣлить онъ распространеніе легенды, которую онъ относитъ къ какой нибудь одной мѣстности. Въ этомъ видѣ изложеніе легендъ становится очень случайнымъ: рассказчикъ, со словъ котораго пишется легенда, могъ дать ей иной тонъ, чѣмъ слѣдуетъ; могъ пропустить инныя подробности, которыя можно было бы дополнить на томъ же мѣстѣ отъ другихъ; мѣстное распредѣленіе легендъ или общая извѣстность ихъ остаются совершенно неопредѣлены.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ изъ книги г. Аѳанасьева, чтобы познакомить читателя съ различными типами легенды и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ она связывается съ обыденной дѣйствительностью и понятіями простаго человѣка. Первое мѣсто занимаютъ легенды о хожденіи Христа и апостоловъ между людьми. Это одинъ изъ любимыхъ мотивовъ легенды вообще: Христосъ является на землю обыкновеннымъ человѣкомъ, чтобы испытывать людей и направлять ихъ на добрыя дѣла; средствомъ для этого обыкновенно бываетъ какое нибудь чудо. Такого рода исторія рассказывается о «Христовомъ братцѣ»:

«Одинъ старикъ, умирая, завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собою красныхъ яицъ христосоваться съ нищею братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищій, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: лучше, говорить, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговѣяться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлся и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одешонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говоритъ старецъ, крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ, отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говорить, — вонъ ступай по той

дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

«Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодезь воду переливаютъ «Христовъ братецъ, говорятъ онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подь тѣмъ тыномъ видѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ все дальше — и вотъ усмогрѣлъ того самого старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «не видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень разсказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. «За что жъ, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ проклѣла, имъ въ рай и пройти нельзя! «А дѣвицы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ все равно — хоть тынъ нами поднирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подь тыномъ. Потомъ повелъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужикъ и выйти оттудова не хотѣлось!). А послѣ повелъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онъ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее изъ ада». Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказала Христосъ, и тутъ воздержать своего сердца; пусть же сидитъ въ аду вѣки вѣчныя!»

Въ другихъ легендахъ Христосъ также принимаетъ на себя видъ нищаго старика, ходитъ по деревнямъ и испытываетъ людей. Одинъ разъ богатый мужикъ принялъ его дурно и едва пустилъ переночевать; на другое утро старикъ предложилъ мужику помочь ему помолоть хлѣбъ; на току сложили полъ-одонья хлѣба, Христосъ зажегъ ихъ и отъ сгорѣвшаго хлѣба осталось чистое, богатое зерно. Когда Христосъ ушелъ, мужикъ попробовалъ сдѣлать тоже самъ, но хлѣбъ сгорѣлъ, огонь бросился на избы и произошелъ страшный пожаръ. Въ другой разъ Христосъ награждалъ мужика, который далъ ему хлѣ-

ба, тѣмъ, что изъ небольшого мѣшка зерна намолосось у него на мельницѣ столько, что мужикъ не зналъ куда и дѣвать. Христосъ странствовалъ или одинъ, или съ апостолами, или съ Николаемъ «милостивымъ»: онъ терпѣливо сноситъ ошибки слабыхъ людей, и своими чудесами обыкновенно направляетъ ихъ на путь истинный; но иногда онъ строго наказываетъ ихъ, — одного богатаго и немилостиваго мужика онъ обратилъ въ коня и отдалъ доброму бѣдняку. Отношенія бѣдныхъ и богатыхъ, составляютъ чрезвычайно обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина, и легенда утѣшаетъ его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ награжденъ. Судьба иногда ошибается по видимому въ раздачѣ земныхъ благъ, посылаетъ сокровища богачу, который не умѣетъ ими пользоваться, прибавляетъ новыя нужды нищему, но за то небесное правосудіе вознаграждаетъ въ будущемъ каждого по заслугамъ. Вотъ примѣръ:

«Идутъ Христосъ и апостолы по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ: «Господи! завылъ, я ѣсть хочу». — Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у нее корову съ теленкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидая отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитаніе на свою семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣждалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреніемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

«Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами. Спаситель и говорить: «катись, бочка къ богатому мужику во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше бѣ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько же послалъ Господь!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Исусе! мы пить хотимъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтеся».

«Апостолы пошли; шли, шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягува (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Что жъ испили водицы?» спросилъ ихъ Христосъ. —

Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Иисусе! мы пить хотимъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо; тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студеная да сладкая! — и воротились назадъ. «Чѣмъ такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побывали тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побывали, а цѣлыхъ три года», сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ».

Въ нашемъ старинномъ переводѣ Римскихъ Дѣяній, находится извѣстный рассказъ о пустынникѣ (20-я глава подлинника), повторенный между прочимъ въ «Задигѣ»: пустынникъ страдаетъ съ ангеломъ, который совершаетъ на пути много несправедливостей и даже злодѣяній, задушаетъ ребенка у человѣка, гостепріимно ихъ припавшаго; убиваетъ человѣка, указавшаго имъ дорогу; даритъ золотой кубокъ поселеннику, не давшему имъ ночлега — но все это оказывается необходимымъ по расчетамъ высшей справедливости: смерть ребенка обратить къ добру отца, не раскаявшагося въ одномъ большомъ грѣхѣ; убитый путникъ спасается смертью отъ совершенія страшнаго преступленія и т. д. Эта же мысль развивается въ легендѣ объ ангелѣ, служившемъ въ батракахъ у попа. Ангелъ шелъ однажды по дорогѣ, началъ бросать камни на церковь, молился на кабакъ и бранилъ нищаго; прохожіе люди пошли жаловаться на него попу, но батракъ объяснилъ: надъ храмомъ божьимъ летала нечистая сила; въ кабакѣ собрался и пьянствовалъ народъ, не думая о смертномъ часѣ, и онъ молился, чтобы Господь не допустилъ ихъ до смертной гибели; нищій прячетъ свои деньги и только отбиваетъ милостину у другихъ. Эта религіозная казупетника могла зайти въ легенду изъ указанного нами источника, но легко могла быть придумана и самимъ народомъ.

Какъ Христосъ, ходятъ по землѣ и святые; въ легендахъ г. Азапасьева упоминаются св. Пикола, Илья-пророкъ, св. Касьянъ, св. Пятница и особенно Егорій Храбрый, личность, особенно любимая народнымъ преданьемъ. Странствованія святыхъ, иногда рассказываются совершенно такъ же, какъ хожденіе Спасителя: святой Никола научаетъ одного жаднаго попа, который мало его уважалъ, и играетъ ту же благодѣтельную роль, — разница только въ име-

нахъ. Въ другихъ случаяхъ вводятся любопытныя отношенія между святыми, — отношенія, принадлежащія, кажется, одной русской легендѣ, потому что русскій народъ весьма ревниво смотритъ за должнымъ почитаніемъ святыхъ. Напримѣръ, св. Никола покровительствовалъ одному мужику, который почиталъ его день, но за то совершенно забылъ Илью-пророка; послѣдній рѣшается наказать его, посылаетъ градъ на его поле, но Никола предупреждаетъ бѣду; Илья-пророкъ отнимаетъ у хлѣба спорынью, но св. Никола помогаетъ и здѣсь. Послѣдней легенда, согласно съ народными представленіями, приписываетъ больше силы и знанія. Очевидно, что въ этомъ случаѣ легенда составила только для подтвержденія понятія, существовавшаго въ народѣ еще раньше. Любопытно видѣть, какъ народъ сочиняетъ легенду, чтобы объяснить себѣ простой фактъ, почему св. Касьяну поютъ молебны только въ высокосные года, а Николѣ два раза въ годъ. Они шли однажды по дорогѣ и встрѣтили мужика, который увязилъ свой возъ; Касьянъ не захотѣлъ помочь ему, чтобы не замарать своего райскаго платья, а Никола напротивъ помогъ мужику вытащить возъ.... Происхожденіе этихъ легендъ объясняется довольно просто. Однѣ проистекаютъ прямо изъ евангеліискаго преданія, основа ихъ очень немногосложна и не нужно дѣлать никакихъ мудреныхъ предположеній, чтобы объяснить, почему онѣ такъ сходно повторяются у разныхъ народовъ. Чтобы воспользоваться личностью Спасителя для поэтическаго разсказа, легенда должна была только поставить ее между людьми, и характеръ преданія опредѣлялся самъ собой: Христосъ на землѣ могъ только примѣнять свое ученіе, и онъ или награждаетъ добрыхъ, или наказываетъ злыхъ. Дѣйствіе остается всегда въ кругу народной сельской жизни, какъ и всегда народныя произведенія рисуютъ только свой бытъ, свои обычаи и нравы. Другія легенды, какъ приведенныя нами преданія объ Ильѣ-пророкѣ, Николѣ и Касьянѣ, происходятъ изъ готовыхъ уже понятій и только даютъ имъ поэтическое объясненіе. Въ народѣ существовало, напримѣръ, убѣжденіе, что цыганъ не можетъ жить безъ воровства, и легенда разсказываетъ, что когда св. Георгій, принимавшій по нашимъ преданіямъ большое участіе въ управленіи земными дѣлами, спрашивалъ на небѣ о томъ, чѣмъ жить цыгану, ему сказано было прямо, что цыганъ тѣмъ и будетъ живъ, что украдетъ. Въ преданіи о св. Пятницѣ, баба, работавшая въ день этой святой, была наказана и получила прощеніе только тогда, когда обѣщала поставить ей свѣчку и не работать по пятницамъ. Легенды о святомъ Георгіи, собранныя у г. Аванасьева далеко не полно, представляютъ больше трудностей для объясненія; вѣроятно онѣ уже очень давно вошли въ об-

ласть народного воображенія и соединились съ другими повѣрьями изъ нашего мѣстнаго эпоса, такъ что содержаніе ихъ несравненно обширнѣе и сложнѣе, чѣмъ содержаніе обыкновенной легенды. Наконецъ, легенда о царевичѣ Евстафѣ перешла въ народъ изъ рукописныхъ житій; повѣсть «о царѣ Агеѣ» напечатана издателемъ прямо изъ рукописи, какъ совершенно подходящая нодъ разрядъ легендъ, тѣмъ болѣе, что въ народѣ нашелся очень близкій вариантъ этого разсказа: происхожденіе его однако несомнѣнно книжное. Точно также взять изъ книги извѣстный разсказъ о томъ, какъ монахъ уснѣлъ между заутреней и обѣдней съѣздить въ Іерусалимъ на бѣсѣ, котораго онъ поймалъ въ рукомойникѣ. Чтобы кончить съ новозавѣтными личностями легенды замѣтимъ еще, что въ изданіи г. Аѳанасьева мы не находимъ преданій о Богородицѣ, хотя нельзя сказать, чтобы ихъ не было въ народѣ. Эта часть легенды далеко не получила въ русскомъ народѣ такого обширнаго развитія, какъ на западѣ. Тамъ это была любимая личность католическаго преданья и легендарной литературы; почитаніе Мадонны сдѣлалось однимъ изъ господствующихъ догматовъ народной религіи, и отсюда произошла цѣлая масса разнообразныхъ легендъ: у насъ соответствуетъ имъ только небольшое число общенародныхъ сказаній. Часть ихъ собрана въ «стихахъ» г. Кирѣевского; сборникъ г. Аѳанасьева не дастъ здѣсь почти ничего.

Изъ лицъ ветхозавѣтныхъ, легенды г. Аѳанасьева говорятъ только о Соломонѣ и объ Ное. Первый по своей извѣстной мудрости спасается изъ ада, сказавши бѣсамъ, что онъ хочетъ построить въ аду монастырь; это небольшой эпизодъ изъ цѣлаго круга сказаній о Соломонѣ, ходившихъ въ старину и безъ сомнѣнія теперь еще извѣстныхъ въ народѣ. Въ легендѣ о Ное смѣшаны различные разсказы. Въ началѣ передается извѣстная еще изъ Кирилла Туровскаго притча о хромомъ и слѣпому, которые крали плоды въ саду; Господь на нихъ разгнѣвался и рѣшилъ сотворить Ноя праведнаго. Ной и жена его Ева представляютъ очевидно первыхъ людей. Господь приставилъ къ Ною голую собаку, чтобы она никого не пускала его смотрѣть, но дьяволъ обѣщалъ собакѣ шубу и она показала ему Ноя. Чтобы очистить землю, Богъ посылаетъ *потопъ*; дьяволъ старается помѣшать постройкѣ ковчега; потомъ уснѣваетъ понасть обманомъ въ ковчегъ, и обернувшись мышью прогрызаетъ дно; ковчегъ былъ спасенъ ужомъ, который заткнулъ головою отверстие, которое проточила мышь. Когда кончился потопъ, Богъ, а за нимъ дьяволъ начали засѣвать землю, доставая песку со дна морскаго. Въ одномъ вариантѣ этого преданья говорится, что гдѣ Богъ бросалъ

землю, она выходила гладко и плоско (какъ святая Русь), а что чортъ побѣждалъ отъ Бога, и гдѣ приляжетъ, кашлянетъ и спотыкнется, тамъ выростали пригорки и высокія горы. Такимъ образомъ народъ считаетъ созданіе русской равнины дѣломъ совершенно правильнымъ, а незнакомыя и не любимыя имъ горы понимаетъ только какъ дѣло бѣса. Любопытно также въ этой легендѣ, что когда Ной спросилъ Бога, какъ можетъ онъ одинъ съ женой населить землю, Господь велѣлъ ему свалить мужиковъ изъ глины, а господъ изъ пшеничнаго тѣста. Разсказъ напоминаетъ Девкалиона и Пирру греческой мифологіи, дѣлавшихъ людей изъ камня, но русскій человѣкъ принаровилъ его къ своимъ отношеніямъ и далъ своимъ господамъ болѣе ценетильное происхожденіе. Наконецъ Ной спрашиваетъ: какъ же имъ жить? Богъ далъ имъ топоры и срубилъ имъ избы: «живите, вотъ вамъ избы!» Господи, на чемъ же намъ работать? Далъ Господь лошадь, связалъ обротъ (уздъ) и хомутъ. Онъ поймалъ лошадь и запретъ ее: «вотъ вамъ, говоритъ, изба, лошадь, упряжь; живите да меня хвалите».... Такъ начинается исторія по народнымъ понятіямъ; народный бытъ является готовымъ вдругъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь. Въ созданіи человѣка и первыхъ условій жизни, народъ видѣлъ непосредственное участіе Бога, онъ видитъ его и нотомъ въ каждомъ фактѣ своей судьбы. Легенда надолго сохраняетъ этотъ мало-сознательный взглядъ на природу и человѣка, оставшійся отъ очень старой поры; легенда, приведенная нами, могла составиться или войти въ народъ въ самое первое время по введеніи христіанства; нѣкоторыя подробности ея находятся уже въ очень старыхъ памятникахъ нашей письменности. Въ этомъ отношеніи былъ бы весьма любопытенъ разборъ «Пален», хронографовъ и древнихъ переводныхъ апокрифовъ. Съ другой стороны подробное сличеніе христіанскихъ преданій о созданіи міра съ остатками древнѣйшихъ мифическихъ представленій народа покажетъ, что многое уцѣлело и было передѣлано народомъ еще изъ языческихъ вѣрованій: его пантеистическая мифологія также видѣла во всей природѣ и на всемъ ходѣ жизни человѣка дѣйствіе сверхъестественной силы. Какимъ образомъ возможно было это смѣшеніе началъ столько противоположныхъ, мы можемъ наблюдать и до сихъ поръ въ народѣ, который почитаетъ св. Николу и вѣрнѣ въ домовыхъ. По введеніи христіанства народустарались обыкновенно представлять языческія божества, какъ travestированныхъ злыхъ духовъ; онъ и вѣрилъ отчасти этому, — такъ Несторъ называетъ Перуна бѣсомъ: но такъ было не всегда, — домовый не слѣбался бѣсомъ; онъ остался въ народныхъ понятіяхъ существомъ независимымъ, способ-



нымъ и на зло, и на добро. Въ процессѣ перехода къ христіанству народъ не бросаетъ преданья вдругъ, потому что слишкомъ привыкъ къ нимъ; онъ только измѣняетъ и дополняетъ ихъ потомъ, и они живутъ удивительно долго; еще для насъ возможно выслѣдить ихъ за нѣсколько столѣтій назадъ. Вымираніе преданій начинается съ вымираніемъ стараго быта; преданье начинается терять силу, когда народъ выходитъ изъ прежней сферы, когда начинается больше вдумываться въ жизнь, когда пословицей его становится: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», и когда старые призраки обращаются для него въ шутку.

Мы думаемъ, что нынѣшнія легенды нашего народа уже представляютъ въ значительной степени шуточный элементъ этого рода. Таковъ, напримѣръ, длинный разсказъ, сообщенный у г. Аоанасьева во множествѣ вариантовъ и слѣдовательно очень любимый народомъ, — о похищеніяхъ солдата въ аду и въ рай, его встрѣчѣ со смертью, которая не можетъ его одолѣть и которой онъ повелѣваетъ. Солдатъ не хочетъ идти въ рай, потому что ему сказали, что тамъ ни вина, ни табаку нѣтъ, а просто царство небесное; и когда ему пришлось отправиться въ адъ, онъ расположился въ уголку, наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣшалъ аммуницію и закурилъ трубку. Въ аду не стало прохода отъ солдата, никого не пускаетъ мимо своего добра: «не ходите! видишь, казенныя вещи лежатъ». Черти могли отдѣлаться отъ него только тѣмъ, что обманули его, забивши въ барабанъ тревогу; когда солдатъ выбѣжалъ изъ ада, они заперли за нимъ двери и больше не пустили. Онъ держитъ смерть у себя въ торбѣ, не пускаетъ ее морить людей и заставляетъ точить старые дубы. Словомъ, все для него обращается въ шутку, ничего онъ не боится, и никто не можетъ ему ничего сдѣлать. Мы не думаемъ, чтобы легенда могла быть очень стара въ этомъ видѣ, даже исключая безпартонный характеръ солдата, составляющій, конечно, типъ изъ новой русской жизни; если нѣкоторыя подробности легенды носятъ характеръ старины, то въ древнемъ разсказѣ они имѣли безъ сомнѣнія болѣе положительный смыслъ. Обращаясь въ балагурство, легенда упадаетъ; изъ нея дѣлается анекдотъ, «не любоне слушай», то есть, нѣчто вовсе не похожее на первое преданье; въ религіозномъ отношеніи, очень существенномъ въ легендѣ, она становится совершенно безразлична. Очень любопытный образецъ подобнаго настроенія легенды представляетъ повѣсть «о бражникѣ», напечатанная въ изданіи по старой рукописи. Бражникъ, то есть по нынѣшнему пьяница, человекъ, какъ оказывается не глупый, приходитъ въ рай; св. Петръ его не пускаетъ. Кто же ты, спрашиваетъ онъ, и узнавши, что это Петръ, говоритъ, что онъ неспра-

водливо гонить его изъ рая, когда въ жизни три раза отрекался отъ Христа, — «а я хотя и бражникъ — но всѣ дни божіе пилъ и за всякимъ концомъ ния Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него». Петръ отошелъ отъ воротъ съ сомнѣніемъ. Точно такъ же укоряетъ бражникъ царя Давида его грѣхами, а Іоанна Богослова недостаткомъ любви, которую онъ самъ проповѣдывалъ, и въ заключеніе бражникъ попадаетъ въ рай. Легенда обратилась здѣсь скорѣе въ апологію бражничества, которую наши предки придумали не безъ нѣкотораго остроумія.

Бѣсы также часто выводятся на сценѣ въ легендѣ, отчасти въ комическомъ видѣ, какъ мы видѣли въ похожденияхъ солдата. Насмѣшливый взглядъ на чертей довольно распространенъ и слѣдовательно, не стоитъ въ легендѣ одиноко; черти, какъ извѣстно, поминаются въ народномъ разговорѣ на каждомъ шагу, и въ легендѣ они являются также довольно фамиллярнымъ лицомъ, даже съ собственными именами, какъ чортъ Потанька въ двухъ легендахъ г. Аѳанасьева. Кромѣ шутивыхъ разсказовъ о чертяхъ, въ легендѣ сохранились отголоски древнихъ патериковъ; изъ житій старинныхъ аскетовъ перешли напримѣръ въ легенду разсказы о томъ, какъ бѣсъ являлся къ пустыннику, принимая на себя видъ старца-монаха, соблазнялъ его на пьянство, приходилъ въ образѣ женщины: старецъ поддается обману, онъ уже помолодѣлъ, готовъ вѣнчаться, но въ ту минуту, когда падѣваютъ на молодыхъ вѣнцы, онъ не можетъ удержаться и кладетъ на себя крестное знаменіе, и видитъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля (легенда «о пустынникѣ»). Черти не менѣе другихъ требуютъ къ себѣ уваженія отъ людей и мстятъ имъ за насмѣшки и ругательства. Въ доказательство этого легенда разсказываетъ о чортѣ, который былъ нарисованъ въ кузницѣ; старикъ, отецъ кузнеца, жилъ съ нимъ въ ладахъ (по народному повѣрью кузнецы бываютъ часто въ дружбѣ съ чертями, конечно, по ихъ наружному сходству), но сынъ, какъ ни придетъ на работу, то вмѣсто ласковаго слова ударить чорта молотомъ въ лобъ и тогда берется за дѣло. Чортъ не выдержалъ, обернулся молодымъ парнемъ, пошелъ въ службу къ кузнецу и до тѣхъ поръ строилъ ему козни, пока наконецъ хозяинъ побожился, что никогда не подниметъ на чорта молота и будетъ оказывать ему всякую почесть. Легенда любопытнымъ образомъ сходится съ народнымъ предразсудкомъ, который даетъ чорту какое-то независимое значеніе и считаетъ дѣйствительно нужнымъ не обижать его: извѣстенъ народный анекдотъ о набожной старухѣ, которая ставила свѣчки и святымъ и чорту, нарисованному на картинѣ страшнаго суда: Г. Аѳанасьевъ приводитъ еще особенный образецъ легенды,

совершенно похожіи на обыкновенную сказку: черти живутъ во дворцѣ, какъ сказочные волшебники, похищаютъ дѣвицъ, и забываютъ отчасти свои адскія занятія. Читатель, знакомый съ волшебнымъ міромъ нашихъ сказокъ, отличить въ приводимомъ разсказѣ эти сказочныя подробности.

«Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и пошелъ во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрелъ по водѣ; только дошелъ до середины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай, какъ звали!

«Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, нутужилъ, понлакалъ, отслужилъ за упокой души папихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подъ ноги суетъ!» Петруша услышалъ такія рѣчи и говоритъ: «здорово, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой, Богу молиться. «Какъ же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь....» Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возьмись — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говоритъ: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово». И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и серебромъ и золотомъ, всѣмъ надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

«На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возятъ. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадыю, да и возятъ теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самый молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и принялся угощать его всякими напитками и на-

ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головенки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головенки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынный, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха, а третьяго ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока не станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасетъ годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несетъ — только овцы все остаются черными.

«Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человѣкъ ѣздитъ?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подѣзжаетъ тотъ самой человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою! Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповаль. «Ахъ, что же я надѣлалъ? говоритъ онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и рассказалъ все, что съ нимъ было. Пустынный и говоритъ: «это за тебя міръ умолилъ Бога!»

Подробности разсказа взяты чисто изъ русской жизни, и онъ становится столько же похожъ на легенду, сколько на сцену изъ народнаго быта. Отыскиванье кладовъ подъ условіемъ смертнаго грѣха чрезвычайно извѣстно въ русскихъ повѣрьяхъ; скитники по дремучимъ лѣсамъ, задачи, которыя они задаютъ грѣшнику, молитва міра, все это черты въ старомъ русскомъ вкусѣ. Эти такъ сказать бытовые легенды по своей манерѣ и содержанію довольно замѣтно отдѣляются отъ другихъ преданій, и происхожденіе ихъ не столько зависитъ отъ религіознаго вѣрованія, сколько отъ обращенія народа къ собственной жизни: это правоученіе, извлеченное не изъ догматической морали, а изъ самаго быта. Въ изданіи г. Аѳанасьева напечатана еще другая чисто-бытовая легенда, на которую мы также обратимъ вниманіе читателя; она любопытна по символическому взгляду народа на обстановку его домашняго быта.

«Шелъ прохожіи и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя кѣлти, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожіи проснулся ночью и увидалъ на сголѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту кѣлтю, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую кѣлтю,

гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежить змѣи и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожіи и пошелъ въ иную клѣтъ; тутъ увидалъ кунницу: перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зорѣдь (стогъ) сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ стонетъ и говорить: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожіи испугался и легъ было подъ суслонъ (\*) ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричить: «постой, возьми меня съ собой!» Не послалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и началъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожіи?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говоритъ, нашелъ я разной гадъ, — оттого, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бьется въ клѣти дубинка, — это оттого, что хочется ему большакомъ быть, да малые братья не слушаются: бьется то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змѣя, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ кунницу, — значить, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететъ въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это, которое съ полюсы не собрано, оно-де говоритъ: пронаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожіи старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣстнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полюсъ собирай до чиста».

Мы пересмотрѣли довольно подробно содержаніе книжки издав-ной г. Афанасьевымъ; но изъ нея еще далеко не вполне раскрывается русскій легендарный міръ. Для полнаго обзора его, кромѣ новыхъ народныхъ легендъ, нужна еще разработка рукописнаго матеріала, изъ котораго г. Афанасьевъ взялъ только три-четыре повѣсти, но въ которомъ остается еще богатое разнообразіе преданій, особенно расхолодившихся у насъ въ послѣдніе два вѣка старой Россіи. Въ эту эпоху уже твердо складывался характеръ народа, его гражданскія и религіозныя понятія, которыя остались потомъ нетронуты реформой въ продолженіе XVIII-го столѣтія и продолжаютъ жить до нынѣшняго времени, когда они уже сильнѣе начали поддаваться новымъ вліяніямъ и въ иныхъ мѣстахъ уже изглаживаются. Именно отъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка осталось намъ довольно много чисто легендарныхъ произведеній, которыя съ успѣхомъ могли бы замѣнить недостатокъ другихъ литературныхъ памят-

(\*) Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221).

ѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, я надѣлю тебя деньгами и славною лошадыю, живо до дому дѣлешь». — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подари ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возять. «Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околѣть!» — Все равно, подари; оброча ея, другой не возьму. Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что досталъ лошады?» — Досталъ. «Ну, доброй молодецъ, какъ придеши подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову». Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а намѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-ать три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство; и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ.»

Рай и адъ народъ представляетъ себѣ, какъ извѣстно, чисто виѣшнимъ образомъ. Картина страшнаго суда, пришедшая къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, на тысячу лѣтъ осталась у насъ самымъ популярнымъ изображеніемъ будущей жизни. Разнообразныя муки огнемъ, въ разныхъ мудреныхъ положеніяхъ, до сихъ поръ пугаютъ воображеніе простолюдина. Въ одной легендѣ описывается утонченное мученіе, «кумова кровать», огненная, на колесахъ, вся вертится; ея боятся самые черти. Преданья о загробной жизни разсказываются въ легендахъ о странствованіяхъ «обмивавшихъ» людей на томъ свѣтѣ; г. Кулишъ напечаталъ интересныя малорусскія преданья объ этомъ предметѣ. Въ нашей легендѣ, одинъ царь, милостивый къ нищимъ, принялъ Христа, въ образѣ убогаго старика, и за то удостоился видѣть загробную жизнь, райскіе сады и муки грѣшниковъ: одни изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ, — то виномъ торговали и народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребають — то ростовщики, сребролюбцы; что стоятъ голые, стѣну собой подпирають — то клеветники, ябедники и проч. (стр. 125). Любопытный разсказъ подобнаго рода г. Аванасевъ могъ бы найтти въ старинныхъ рукописяхъ; старое «хожденіе Богородицы по мукамъ», и теперь весьма извѣстное въ народѣ, особенно у раскольниковъ, дополнило бы приведенныя имъ повѣрья. Быть можетъ оно связываетъ наше преданіе съ древними византійскими легендами.... Рай есть мѣсто такой неописанной красоты, что чловѣкъ, попадающій туда, совершенно забываетъ о времени, — пред-

ставленіе, общее намъ съ западными народами. У насъ разсказываютъ, что одинъ добрый и пoboжнѣй крестьянскій сынъ побратался со старцемъ—скитникомъ; отецъ сосваталъ ему невѣсту, но онъ не хотѣлъ жениться и ушелъ изъ родительскаго дома. На пути онъ встрѣтился съ тѣмъ же старцемъ, и старецъ привелъ его въ свой садъ: ему казалось, что онъ пробылъ въ саду только три минуты, а былъ онъ въ саду триста годовъ. Это былъ рай.

Иногда въ основу легенды кладется чисто дидактическая мысль, такъ что сюжетъ или басня легенды занимаетъ уже второстепенное мѣсто. Легенда разсказываетъ, напримѣръ, какая судьба ожидаетъ людей себялюбивыхъ, неблагочестивыхъ и пьяницъ: первый не имѣетъ передъ смертью даже времени раздать свое имущество нищимъ, второму пустынникъ предсказываетъ неудачу во всѣхъ дѣлахъ, потому что онъ начинаетъ ихъ безъ молитвы; третьему муку вѣчную, что пьетъ, не зная ни постовъ, ни праздниковъ. Въ другой легендѣ описывается смерть праведника и смерть грѣшника: къ первому смерть приходитъжданная, съ ангелами, — вынули душу, положили на золотую тарелку и съ херувимской пѣсней понесли въ рай; къ другому смерть приходитъ среди пѣсень и пустой болтовни и поражаетъ его молотомъ въ голову. Замѣтимъ еще третью легенду, о томъ, какъ одинъ парень совершилъ три смертные грѣха, чтобы достать кладъ, который безъ этого не давался въ руки, и какъ послѣ парень совѣтовался со «скитниками» и по ихъ совѣту отмаливалъ свое преступленіе:

«Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его и спрашиваетъ: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святыи отче! «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разсказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отменить его; ступай—ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи—тамъ живетъ пустынникъ старѣй меня вдвое; можетъ онъ тебѣ и скажетъ....» Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ. — Грѣшникъ, святыи отче? «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ разсказалъ про все. «Если хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною». Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свали ка эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли—горѣли, и остались только три малые головешки. «Законай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и

никовъ, какъ указатель того, что и какъ думалъ народъ въ то время. Необходимо замѣтить также и тѣ литературныя вещи, которыя остались въ ходу у раскольниковъ; они издавна дорожатъ стариной и въ самомъ дѣлѣ сберегли ее (конечно, какъ учить православная церковь, сберегли старину только по вѣщности, а не смыслу) иногда лучше нашихъ библіотекъ и древлехранилищъ. Они сберегли ее не только въ своемъ быту, гдѣ до послѣдняго времени живьемъ сохранились древніе старцы и скитники, о которыхъ рассказываетъ легенда, и аскетически суровыя представленія о благочестивой жизни; но они сберегли старину и въ преданьяхъ и рукописяхъ, гдѣ старыя анокрифическіе рассказы, общіе вѣроятно цѣлому народу полтора вѣка тому назадъ, теперь наши себѣ исключительное мѣсто. Многія преданья получали въ расколѣ почти догматическую силу, — такъ они врѣзывались въ народныя понятія; возможно, слѣдовательно, ожидать, что преданье хорошо уцѣлѣетъ въ подобной средѣ: у раскольниковъ всего лучше сохранилась извѣстная Голубиная книга, въ народѣ уже полузабытая.

Другую сторону легенды, необходимую при общемъ обзорѣ этого разряда народныхъ памятниковъ, заключаютъ такъ называемые стихи. По своей поэтической или стихотворной формѣ, стихи выше другихъ легендъ; замкнутая форма стиха заставляла его больше держаться его первоначальнаго вида, и не подчиняться портящему вліянію народной болтовни, которая начинаетъ примѣшивать въ рассказъ много посторонняго и съ которой не умѣютъ справиться наши собиратели. Мы замѣтили уже, что, за исключеніемъ древнихъ общенародныхъ пѣсень, стихъ отчасти одолженъ своимъ существованіемъ нашимъ слѣдкамъ, которые собираются на богомольяхъ; отчасти это произведеніе раскольниковъ, и потому быть можетъ, тонъ его бываетъ суровѣе, чѣмъ тонъ легендъ, рассказываемыхъ самимъ народомъ, который отбрасываетъ излишній фанатизмъ благочестія. Прочтите въ изданіи Кирѣевского стихи о грѣшной душѣ, о прощаньи души съ тѣломъ, смертномъ часѣ, о вѣчной мукѣ: вездѣ суровыя рѣчи о мщеніи и за одно наружное неблагочестіе, — о такомъ мщеніи, которому конца и мѣры не будетъ:

«Вы въ церковь Божию не хаживали,  
Заблудящимъ дороги не показывали,  
И вы мертвыхъ въ гробахъ не проваживали,  
За то-то сослалъ Богъ вамъ муку вѣчную,  
Муку вѣчную, безконечную» (стихъ 25-й).

Стихъ смотритъ на жизнь съ мрачной точки зрѣнія; его составлялъ озлобленный жизнью бѣднякъ, или закоренѣлый суевѣръ,



признающій въ міръ одинъ грѣхъ, или просто раскольникъ съ его упрямой враждой ко всему новому. Нынѣшній «прелестный» (т. е. исполненный соблазна) и «злой» міръ уже близокъ къ гибели:

«Принило времечко гонимо:  
Народился злой антихристъ,  
Во всю землю онъ воселился,  
Во весь міръ онъ вооружился,  
Стали его волю творити:  
Власы, бороды стали брить,  
Латынскую одежду носить,  
Распроклятую траву пити (т. е. курить табакъ).

Людямъ остается только покинуть этотъ міръ и послѣдовать совѣту, который даетъ сочинитель стиха:

«Вы бѣгите въ темные лѣса,  
Зарывайтесь песками,  
Рудожелтыми хрящами,  
Помирайте вы голодомъ:  
Вы не умрете, — оживете  
Моего царствія не минете (ст. 42-й).

Эта исповѣдь аскетизма очень характерна въ отношеніи къ расколу стараго и новаго времени, какъ вообще легенда стиха любопытна по особенностямъ ея религіознаго настроенія. Г. Аѳанасьевъ мало коснулся этого отдѣла и вообще изъ «стиховъ» привелъ только ко новый вариантъ для стиха о Георгіѣ Храбромъ, уже извѣстнаго.

Такимъ образомъ изданіе г. Аѳанасьева ограничилось только частью русской легенды; мы бы желали поэтому, чтобы онъ продолжалъ изданіе и обратилъ вниманіе на другіе легендарные источники, о которыхъ мы говорили. Иначе, заключенія о нашей легендѣ, которыя стали бы выводить по его книгѣ, были бы очень неполны, и слѣдовательно невѣрны. Что касается до исполненія изданія, мы недоумѣвали, что хотѣлъ сдѣлать г. Аѳанасьевъ — популярное ли чтеніе изъ легендъ, то есть выборъ болѣе изящнаго и любопытнаго, или ученое изданіе того матеріала, который былъ у него подъ руками. Для перваго нужно было выбирать замѣчательнѣйшія вещи изъ цѣлой легендарной литературы, рукописной и народной, но этого въ книгѣ нѣтъ, слѣдовательно, онъ дѣлалъ изданіе ученое. Легенды въ самомъ дѣлѣ снабжены вариантами, сличеніями и такъ далѣе, но для достиженія ученой цѣли мы желали бы и другихъ приемовъ. Въ легендѣ любопытна не только самая легенда, но и способъ ея образованія, ея исторія, распространеніе, ея смыслъ для народа: что въ ней своего и чужаго, какъ давно она извѣстна, что въ ней наиболѣе серьезно для народа. Издатель; самъ обращавшійся въ народъ и записывавшій легенды, могъ бы отвѣ-

Т. LXXX. Отд. III.

чать на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, но онъ касается ихъ очень мало, а больше занимается любимыми мифическими изысканіями.... Сравненія съ легендами другихъ народовъ конечно интересны, но мы такъ къ нимъ привыкли, что желали бы наконецъ другаго, напримѣръ, чтобы намъ показали различіе легендъ по разнымъ народностямъ. Нельзя же думать, что легенды совершенно похожи у всѣхъ народовъ; тогда бы не стоило труда изучать ихъ у каждаго въ такой подробности. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на все сходство, русская легенда въ цѣломъ оставитъ другое впечатлѣніе, чѣмъ итальянская или нѣмецкая; слѣдовательно каждая имѣетъ свой характеръ, и мы думаемъ, что его возможно опредѣлить. При сходствѣ мифа, народная жизнь кладетъ свою печать на его изложеніе; историческія событія, проходящія черезъ народное сознаніе, задерживаютъ и легенду, и она необходимо получаетъ черты отдѣльныя, своеобразныя. Это дѣлается яснѣе, когда мы беремъ крайнія особенности легендарной поэзіи: фанатическій стихъ раскольника окажется тѣсно привязаннымъ къ русской почвѣ и для него не нужно искать сравненій; въ его религіозномъ настроеніи мы увидимъ нѣчто оригинальное. Легенда вообще простонародна; выводимыя ею личности дѣйствуютъ среди народа, въ обстановкѣ его быта, — но отчего въ русской легендѣ рассказъ изъ простонародности впадаетъ нерѣдко въ какую-то тяжелую грубоватость не только слова, но и представленія (грубоватость слова въ иныхъ случаяхъ придала ей, кажется, сами неловкіе записыватели), которая очень замѣтна читателю? Мы найдемъ и въ самомъ содержаніи легенды много вопросовъ, требующихъ объясненія, и для него пужна была бы иная программа изслѣдованія, чѣмъ принятая г. Афанасьевымъ. Въ нашей старой литературѣ и народѣ легенда идетъ съ давнихъ поръ и при недостаткахъ литературнаго и поэтическаго развитія въ письменности оставалась едва ли не главной пищей для народнаго ума. Древнее язычество, литература и нравы Византии, общественныя отношенія и религіозныя смуты допетровской Россіи и даже старинное невѣжество, всѣ обстоятельства, дававшія тонъ цѣлой народной жизни, оставили свои слѣды и на легендѣ, въ ея формѣ и въ содержаніи.

Мы слышали, что книга г. Афанасьева по новостямъ сюжета имѣла большой успѣхъ, даже между людьми, которые прежде мало занимались подобными вещами: заключить ли изъ этого, что наше общество стало искренно интересоваться народной жизнью?

**А. ПЫПИНЪ.**